

K.M.Berkimbayev, M.D.Taldybayeva

Modeling at the process of teaching of differentia of Kazakh language sounds

This article substantiates the necessity of using the method of modeling in learning the sounds distinctive features of the Kazakh language. The authors defined the essence of the concepts of «model» and «modeling method», and present the created models of distinctive features sounds of the Kazakh language.

References

- 1 Zhunusbek A. *Articulatory model of the sounds of Kazakh language*, Almaty: Arys, 2005, 112 p.
- 2 *Grammar of Kazakh language*, Astana: Elorda, 2002, p. 122.
- 3 Zhunusbek A. *Kazakh phonetics*, Almaty: Arys, 2009, 308 p.

УДК 101.1: 316.4

М.А.Куратченко

*Новосибирский государственный педагогический университет, Россия
(E-mail: mkuratchenko@gmail.com)*

Инклюзивное образование в Китайской Народной Республике Опыт интерпретации социально-культурной оппозиции «норма» и «антинорма»

Статья посвящена исследованию категорий «нормы» и «антинормы» в китайской традиции и, как следствие, влиянию данных категорий на восприятие лиц с ограниченными возможностями в обществе. Отмечено, что отношение к людям, которые отличаются от других, в традиционной культуре тесно связано с представлением о необходимости сохранения стабильности в обществе, что является основой для воспроизводства обычаев и текстов. Автором отмечено, что изучение создания системы инклюзивного образования в КНР — это, с одной стороны, еще один сюжет в исследовании способов адаптации традиционной культурой иностранных заимствований, с сохранением как традиционных, так и инновационных компонентов, а с другой — чрезвычайно интересный опыт масштабной организации миллионов людей для предоставления возможности получения образования, профессии людям с ограниченными возможностями. В статье доказано, что это уникальное явление, не имеющее аналогов в мире.

Ключевые слова: норма, антинорма, китайские традиции, категория лиц с ограниченными возможностями в обществе, система инклюзивного образования в КНР, способы адаптации традиционной культурой иностранных заимствований, инновационные компоненты.

Обсуждение проблем и перспектив инклюзивного образования принято начинать с обращения к европейскому опыту. Распространение европейского опыта поддерживается постоянно действующими образовательными и научными центрами, созданными на территории России как результат грантовой поддержки Европейского союза (ЕС). Несмотря на то, что изучение европейского опыта остается ведущим трендом, представляется важным обращение к опыту азиатских стран.

Однако в данной статье предлагается обращение к опыту современного Китая. Связано это с тем, что до последнего времени такие социальные вопросы, как регуляция населения, социальная девиация, проблемы социальных меньшинств не выносились за пределы «китайской избы», были табуированы, надежно укрыты от глаз иностранцев. Беспрецедентное развитие китайской экономики, усиление международных контактов и связанный с этим интерес к КНР специалистов практически всех отраслей знания оказались неспособны прояснить озвученные темы. Связано это, как представ-

ляется, не только с запретом на обсуждение данных вопросов, но и с непониманием более серьезного уровня: зачастую, называя вещи одинаковыми именами, китайские и иностранные специалисты вкладывают в них разный смысл, дают различные оценки одинаковым категориям, по-разному определяют источники проблемы и пути ее разрешения. Вопросы социализации лиц с ограниченными возможностями не становятся исключением.

С одной стороны, данное проблемное поле — безусловный тренд современности, маркер принадлежности общества к передовому, «гуманистическому» отряду человечества, что с неизбежностью требует от социальных элит заинтересованности в этом вопросе. С другой стороны, каждая культурная традиция предлагает свое видение нормы и антинормы, различные формы изоляции или включения носителей указанных антинорм в социальные практики. На европейском материале данную проблему блестяще обозначил М. Фуко [1].

С проблемой определения нормы и ее места в обществе связаны вопросы социальной адаптации и образовательного института, как одного из акторов этого процесса. Здесь следует также отметить зависимость формы и методов образовательных практик от присущей данной традиции культурной парадигмы, определяющей цели и содержание социальной деятельности [2].

Что же касается китайского опыта, то, говоря об инклюзивном образовании как способе социальной адаптации лиц с ограниченными возможностями, прежде всего необходимо определиться со статусом и функциями данной категории людей в китайской традиции.

Вообще традиционной культуре свойственно крайне осторожное отношение ко всему, что может нарушить имеющуюся стабильность, поэтому любое отклонение от привычного воспринимается как попытка дестабилизации и либо адаптируется культурой, принимаясь как вариант известного, либо безжалостно изгоняется за пределы Космоса.

Пространство и время в традиционной картине мира являют собой единый хронотоп, по которому при известных условиях можно перемещаться. Пространство предстает крайне неоднородным, будучи разделено на «наше» и «чужое». Наша территория населена людьми, «чужая» — духами, демонами, нечистью. Принадлежность к иному, «не нашему» пространству определяется с помощью маркеров: это могут быть как цветовые отличия (так, для российской традиции черный — однозначный маркер «чужого»), так и физические. Как известно, черти ходят пятками вперед, а Люцифер хромает на левую ногу. Также уместно вспомнить о профессиональной хромоте кузнецов — Гефеста, Велунда, эпических героев — Одиссея, Сосруко, героических коней — Слейпнира, Конька-Горбунка и прочих персонажей, имеющих физические недостатки [3].

В качестве допустимого формата общения с такими лицами традиция предлагает их изоляцию и перемещение на периферию (живут в избушке на краю деревни, путешествуют по морям, нищие-калеки ходят по дорогам). Таким образом, все категории выводятся за пределы «своего пространства», обжитого Космоса.

Однако не исключен и вариант инверсии, когда подобные персонажи помещаются в центр Космоса (юродивые на церковной паперти и т.д.). Китайская культура предлагает именно такой вариант взаимодействия, располагая данных лиц в центре мира — месте максимально сакральном, но одновременно вынесенном за пределы «нашего» пространства, но с другим знаком. (Речь идет о широко распространенном в рамках традиционной культуры механизме дублирования географических и сакральных смыслов через создание двойных образов значимых феноменов. Так, например, Мировая гора нередко располагается и в центре, и на периферии «нашего» мира.)

В «Го юй» (Речи царств, текст IV–III вв. до н.э.) в разделе «Речи царства Чжоу», где ведется обсуждение способов поддержания стабильности в Поднебесной, читаем: «Сын Неба, занимаясь государственными делами, велит всем: от правителей владений и высших сановников до чиновников трех рангов — подносить стихи, музыкантам подносить песни, историографам подносить книги, слепым, лишенным зрачков, петь стихи [представленные правителями владений, высшими сановниками и чиновниками трех рангов], слепым, сохранившим зрачки, — декламировать [под музыкальный; аккомпанемент предостережения младших музыкантов] [4; 24]». Здесь необходимо обратить внимание на то, что термины «музыкант» и «слепой» в древнекитайском языке обозначались одним и тем же иероглифом «гу».

Слепые сказители — принадлежность не только китайской культуры. Слепы были и Гомер, и украинские бандуристы. Представляется возможным говорить о профессиональных требованиях к исполнителям, заключающихся в наличии слепоты. Связано это, как представляется, с особой ролью, которую играли музыка и ее исполнители в традиционной культуре, где главным было не раз-

влечение публики, а установление гармонии. Согласно древней китайской философии музыка — дар Неба. Основывая свои принципы на законах развития Вселенной, она обладает огромной силой воздействия на людей. Отсюда сложная символика, связывающая каждую ступень звукоряда с религиозно-философскими представлениями, с определенным месяцем года, часом суток, положением солнца и луны, с различными животными и птицами, со стихиями, господствующими в мире, мужским (ян) и женским (инь) началами [5; 195]. В главе 37 текста Ли Цзи «Записки о ритуале», носящей название «Записки о музыке», указано следующее: «Все музыкальные звуки рождаются в сердце человека. Чувства зарождаются внутри человека и воплощаются в виде звуков; когда же все эти звуки приобретают законченность, их называют музыкальными тонами» [6; 115].

Исполнение музыки во время ритуальных действий определяет ее типологическое сходство с ритуальным текстом, а ее исполнитель может быть приравнен к лицу, совершающему обряд, воссоздающий ритуальное время. Это объясняет принципиальную слепоту музыканта и сказителя. Обращаясь к иному миру, они должны его зреть. Таким образом, физическая слепота становится инверсией потустороннего зрения.

Указание на эту функцию знания музыкантами скрытого содержится в тексте «Го Юй». В описании ритуала, посвященного первой борозде, сказано: «В этот день [старший] музыкант во главе музыкантов проверял звуки ветра и определял состояние земли». И далее: «Я не музыкант, и не великий астролог — откуда же мне знать волю Неба?» [6; 29].

Таким образом, слепые музыканты выполняли важную социальную функцию — будучи непосредственными участниками ритуала, они обеспечивали коммуникацию между своим и чужим мирами, гарантируя гармонию, стабильность и процветание Поднебесной.

Итак, предложенный анализ отношения в обществе к лицам с ограниченными возможностями и их функций позволяет сделать вывод об их особенном положении в обществе: представление о наличии сверхспособностей (умением видеть «чужой» мир) выделяет их в изолированное сообщество, со своей иерархией (старшие и младшие музыканты), уникальными формами социализации и профессиональной подготовки. Таким образом, обычные и особенные люди не смешиваются, будучи надежно разделены представлением о должном или, в риторике китайской традиции, о ритуале.

Имея в виду традиционное восприятие лиц с ограниченными возможностями в китайской традиции, обратимся к современному состоянию вопросов, связанных с инклюзивным образованием в КНР.

Термин «инклюзивное образование» на китайский язык переводится как *quán nà jiàoyù*, где *quán* — всецелый, всеобщий, *nà* — прикреплять (используется как прилагательное и как глагол), *jiàoyù* — обучение. В качестве синонима для *nà* выступают *kuò*, *bāohán*, *róngnà* — включать, заключать в себе и вмещать соответственно. Таким образом, уже на терминологическом уровне фиксируется аспект «включенности» и «вмещаемости», являющийся особенностью данного образовательного подхода. Интересно использование иероглифа *quán* при переводе, ведь английское *inclusive* не содержит отсылки к «всеобщности». То есть в китайском варианте подчеркивается всесторонность включения в образовательные процессы.

В 1994 г. в Испании ЮНЕСКО была проведена «Всемирная конференция по образованию лиц с особыми потребностями» и принята Саламанская декларация, закрепившая принципы инклюзивного обучения. Китай на официальном уровне всецело поддержал эту идею, приступив к изучению и внедрению данных методик. В настоящее время в КНР созданы центры инклюзивного образования, проводятся конференции и семинары, осуществляются публикации по этой проблематике.

Однако этим событиям предшествовал многолетний опыт применения в КНР схожего подхода — практик совместного обучения *suí bān jiàodú*, что дословно может быть переведено как «присутствие в одной группе». В Поднебесной этот путь начался позже, чем в западных странах. В 80-х годах XX в. в Китае стала внедряться практика совместного обучения обычных детей и детей с ограниченными возможностями — *suí bān jiàodú*. Суть данного процесса заключалась в том, чтобы привести особых детей в обычные школы и обычные аудитории, где обучение происходило бы совместно с остальными учениками. Ряд китайских авторов считают, что выражение *suí bān jiàodú*, являясь переводом английского «*learning in regular classroom*», в то же время, по сути, скорее, выступает эквивалентом принятого в международной практике термина «интеграция». Таким образом, китайские специалисты склонны переводить принятое в китайской профессиональной среде понятие *suí bān jiàodú* как «интегрированное обучение» [7].

Практика интегрированного обучения в КНР стала внедряться под воздействием зарубежного опыта, с учетом условий и особенностей Китая. После принятия в 1994 г. положения «О внедрении

методов интегрированного обучения в работе по развитию малолетних детей с ограниченными возможностями» данный подход стал распространяться по всему Китаю.

Внедрение интегрированного обучения стало новым этапом проведения реформ в китайском образовании. До этого дети с ограниченными возможностями могли посещать только специализированные учебные заведения, оставаясь в изоляции от сверстников. Интегрированное обучение, изменив представление об инвалидах, показало, что особые дети могут учиться в обычных школах. Для китайских специалистов также важным оказывается тот факт, что интегрированное обучение способствует популяризации образования — дело в том, что большое количество детей-инвалидов по различным причинам не могут посещать специализированные школы (среди основных причин, в том числе, указывается недостаточное количество школ данного вида). Таким образом, интегрированное обучение в китайском прочтении должно способствовать снятию дефицита образовательных возможностей для особых детей посредством интегрирования последних в обычный образовательный процесс. Доля особых детей, обучающихся по программам интегрированного обучения, в 2000 г. составила 63 % от общего числа учащихся с ограниченными возможностями [8]. Следствием использования методов интегрированного обучения китайские специалисты склонны считать рост доли детей с ограниченными возможностями, вовлеченных в образовательный процесс, рост в обществе толерантности по отношению к инвалидам, интегрирование особых детей в социальную жизнь.

Китайские специалисты уверены, что интегрированное образование генетически связано с инклюзивным, представляя собой первый шаг на пути к общей (в китайской риторике) инклюзии. «Сохранение совместного обучения» ведет к ограничениям. Необходимо сделать следующий шаг — перейти на уровень понимания и уверенности, присущий инклюзивному образованию. Интегрированное обучение — пройденный этап в развитии идей инклюзивного обучения, так как последнее находится на принципиально ином, высоком уровне универсализации образовательных принципов и социальных смыслов [9].

Разница между инклюзивным и интегрированным образованием заключается и в отношении к учащемуся. Если в интегрированной форме особый ребенок воспринимается именно как особый, которому требуются специальные программы, лечение и т.д., то при инклюзивном подходе все учащиеся, так или иначе, воспринимаются как особенные, уникальные личности, к каждой из которых требуются специальный подход и нужны особые условия. Таким образом, дискуссия из области «норма — не норма» смещается в сферу «разнообразия индивидуальностей». Иными словами, при инклюзивной форме образовательного процесса различия превращаются из фактора, требующего коррекции, в источник вдохновения.

Во-вторых, инклюзивное образование, в отличие от интегрированного, предполагает внедрение новых форм образовательного процесса, где бы учитывались индивидуальные особенности учащихся, а физические отличия являлись лишь частным случаем личностной индивидуальности. При таком подходе инклюзивные практики охватывают не только особых детей. Таким образом, цель образовательного учреждения — предоставление равных возможностей реализации индивидуальностей.

Итак, в инклюзивном обучении акцент делается на равные возможности для всех учеников, причем шансы не только на возможность учиться, но и на реализацию своих возможностей. Антонимом слова *jiēnà* (ключевым в *quán nà jiàoyù* — инклюзивное образование) — «допускать, включать» является понятие *páichì* — «исключать, дискриминировать». Таким образом, главным в инклюзивном образовании является противостояние дискриминации учащихся. Однако на сегодняшний день показателем успешности учащихся в КНР являются экзаменационные оценки, а дискриминация и сегрегация, с которой ученики сталкиваются в процессе обучения, остается привычной нормой.

И хотя в контексте инклюзивного образовательного подхода в КНР уже проводится череда мероприятий, принимаются законодательные акты, так или иначе регулирующие эту сферу, однако о специализированной политике и специализированном законодательстве пока еще говорить не приходится. Официальные правительственные документы также не демонстрируют риторики, связанной с инклюзивным обучением. Таким образом, для гарантии дальнейшего успешного развития инклюзивного образования в КНР необходимо как законодательное обеспечение, так и решение вопросов создания единой политики в данной сфере.

На сегодняшний день права на обучение лиц с ограниченными возможностями регулируются «Законом об охране инвалидов КНР», «Положением об образовании инвалидов», Конституцией КНР, «Законом об образовании КНР», «Законом об обязательном образовании КНР».

Высший законодательный акт, определяющий политику совместного обучения, — это Конституция КНР, где в статье сорок пять главы второй сказано: «Государство и общество помогают слепым, глухим, немым и другим гражданам-инвалидам в устройстве на работу, получении средств на жизнь, получении образования» [10]. Государственный совет по вопросам образования и других ведомств в «Мнении о некоторых вопросах реализации специального образования» (сентябрь 1986 г.) установил способы получения образования детьми с ограниченными возможностями: «1. Сроки начала школьного обучения слепых, немых, умственно отсталых детей могут быть расширены в соответствии с индивидуальными потребностями; 2. Способы и формы обучения должны быть гибкими и разнообразными: кроме учреждения специализированных школ, возможно создание при обычных начальной или начальной средней школы специальных групп для детей с ограниченными возможностями, в которых будут обучаться дети-инвалиды. Однако это не должно препятствовать посещению начальной и средней школы обычными учениками» [11]. Государственный комитет по образованию в «Извещении о публикации «О способах осуществления развития маленьких детей с ограниченными возможностями» (1994 г.) уточнил правила проведения совместного обучения: «1. Дети с ограниченными возможностями, участвующие в программах совместного обучения, должны посещать школу по месту жительства (поблизости). 2. Возраст поступления в школу с совместным обучением детей с ограниченными возможностями и обычных детей должен быть одинаков. В особых случаях возможно расширение возраста. 3. Количество детей с ограниченными возможностями в обычных школах в классах с совместным обучением должно быть 1–2 человека, не больше 3 человек. 4. Обычные школы должны, в соответствии с законодательством, предоставлять образовательные услуги детям с ограниченными возможностями. Школы не имеют права отказывать в образовательных услугах детям-инвалидам» [12].

В указанных документах детально рассматриваются проблемы образования лиц с ограниченными возможностями. Однако очевидно, что законодательная работа в сфере образования лиц с ограниченными возможностями никогда не была чрезвычайно успешной. Так, если взглянуть на правовую систему в целом, то в сфере правового регулирования образования инвалидов КНР все еще не хватает авторитетных законодательных актов, могущих сравниться с «Законом об учителях» или «Законом об обязательном образовании». Поэтому образовательная политика в данных вопросах регулируется общими положениями об образовании или разрозненными актами различных министерств, имеющими относительно малую законодательную силу.

Кроме юридического аспекта, среди основных вопросов, связанных с внедрением инклюзивного образования в КНР, необходимо отметить недостаток профессиональных кадров. Дело в том, что на сегодняшний день в Китае нет учебных заведений, которые занимались бы подготовкой преподавателей для такого рода учебных групп. Конечно, сейчас в КНР особое внимание уделяется исследованиям в данной области и совместной разработке планов реализации развития инклюзивной школы, однако, учитывая масштаб проблемы, этого, разумеется, недостаточно.

Кроме того, нельзя оставлять в стороне традиционный аспект восприятия лиц с ограниченными возможностями. Идя по улицам китайских городов, вы невольно обращаете внимание на желтые информационные дорожки для инвалидов. На территории университетских кампусов также можно видеть желтые тропинки, идущие вдоль основных дорог, однако лиц, пользующихся ими, чрезвычайно мало, так же как и студентов в колясках или со специальными приспособлениями. Связано это, как представляется, с тем, что, хотя необходимость инклюзивного обучения выносятся в разряд приоритетных и по всей стране создаются институты инклюзивного образования, это по-прежнему специализированные учебные заведения с адаптированной средой, чьи аудитории и корпуса надежно отгораживают обычных людей от людей с ограниченными возможностями. Таким образом, представления о специфической природе инвалидности в китайской традиции, в сочетании со строгой иерархичностью китайского общества, отчетливым пониманием того, что можно и чего нельзя, детально прописанными правилами и инструкциями, готовностью к быстрому, но, зачастую, формальному выполнению распоряжения или приказа, создают далеко не самый благоприятный контекст для развития инклюзивного образования в КНР по западному образцу.

Список литературы

- 1 Фуко М. История безумия в классическую эпоху. — М.: Смысл, 1998. — 310 с.; Его же. Рождение клиники: Археология врачебного взгляда. — М.: АСТ, 2010. — 710 с.
- 2 Куратченко М.А. Роль цивилизационной идентичности в формировании социокультурной парадигмы образовательного процесса в современном обществе (на примере обучения иностранных студентов из КНР) // Вестн. Алтайской академии экономики и права. — 2014. Вып. 1 (33). — С. 108–112.
- 3 Луговой К.В. Космогонические, антропогонические и эсхатологические мотивы в нартовском эпосе карачаевцев и балкарцев // Этнографическое обозрение. — 2003. — № 6. — С. 57–69.
- 4 Го юй (речи царств) / АН СССР, Ин-т Востоковедения / Отв. ред. М.В.Крюков. — М.: Наука, 1987. — 470 с.
- 5 Агеева Н.Ю. К вопросу об истории зарождения и развития традиционной китайской музыки // Общество и государство в Китае: XXXLII научная конференция: К 100-летию со дня рождения Л.И.Думана / Ин-т востоковедения; сост. и отв. ред. С.И.Блюмхен. — М.: Вост. лит., 2007. — С. 193–199.
- 6 Ли цзи // Древнекитайская философия. Собрание текстов / АН СССР, Ин-т философии; Сост. Ян Хиншун. — М.: Мысль, 1973. — Т. 2. — С. 99–141.
- 7 Tāngshèngqīn zhūbiān: «Tèshū jiàoyù gàilùn — pǔtōng bānjī zhōng yǒu tèshū jiàoyù xūyào de xuéshēng», shànghǎi jiàoyù chūbǎn shè 1998 niánbǎn, dì 51 yè. (Универсальность специального образования – студенты с особыми образовательными потребностями в обычных группах / Ред. Тан Шенцинь. — Шанхай, 1998. — 51 с.)
- 8 Zhōngguó jiàoyù bù: Dì sān cì quánguó tèshū jiàoyù gōngzuò huìyì cáiliào, běijīng, 2001 nián 5 yuè. (Работа в сфере образования лиц со специальными образовательными потребностями (Пекин, май, 2001г.): Материалы / Министерство образования КНР. — Пекин: 2001. — 115 с.)
- 9 Huáng Zhìchéng, Hú Yìchāo: Quán nà jiàoyù: Wèilái zhī lù — duì UNESCO dì 48 jiè (2008 nián) guójì jiàoyù dàhuì zhǐtí de sīkǎo, «quánqiú jiàoyù zhǎnwàng», shànghǎi, 2008 nián (Хуан Чжичэн, Ху Ичао Инклюзивное образование: путь вперед — Размышления о 48-й конференции ЮНЕСКО (2008 г.) // Глобальное образование: Междунар. науч.-практич. конф. — Шанхай: 2008. — С. 59–65).
- 10 Zhōnghuá rénmín gònghéguó xiànfǎ (Конституция КНР). — [ЭР]. Режим доступа: http://www.gov.cn/gongbao/content/2004/content_62714.htm
- 11 Guānyú shìshī tèshū jiàoyù de ruògān wèntí de yǐjiàn (1986 nián 9 yuè) (Мнение о некоторых вопросах реализации специального образования). — [ЭР]. Режим доступа: <http://www.moe.gov.cn/HLFtiDemo/search.jsp?dd=3>
- 12 Guānyú kāizhǎn cánjī értóng shàonián suǐ bān jiùdú gōngzuò de shìxíng bānfǎ 1994 nián (О способах осуществления развития маленьких детей с ограниченными возможностями (1994 год). — [ЭР]. Режим доступа: http://www.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_163/200408/1515.html

М.А.Куратченко

Қытай Халық Республикасында инклюзивтік білім беру**«Норма» және «норма емес» әлеуметтік-мәдениетті санатының интерпретациясының тәжірибесі**

Мақала қоғамда мүмкіндіктері шектеулі адамдардың санатының қытай дәстүрінде «норма» және «норма емес» санаттар қоғамдағы ықпалын зерттеуге байланысты. Қоғамда тұрақтылықты сақтау үшін дәстүрлі мәдениетпен тығыз байланысты болып адамдардың қатынастары бір-бірімен ажыратылуы керек, ол мәтін мен дәстүрді көрсетудің негізі болып саналады. ҚХР-да инклюзивтік білім беру жүйесін құруын байқау — бір жағынан, зерттеуде дәстүрлі және инновациялық компоненттерді сақтауда шетел дәстүрлі мәдениетінің бейімдеу әдістерін қарастыру. Екінші жағынан, мүмкіндіктері шектеулі адамдарға мамандықты, білімді алу мүмкіндіктерін беріп, миллиондаған адамдардың ауқымды ұйымдардың тәжірибесін көрсету. Бұл мәселе — бірегей көрініс, әлемде мұндай іспеттес нәрсе жоқ.

М.А.Kuratchenko

Inclusive education in the People's Republic of China**Experience of interpretation of welfare opposition «norm» and «anti-norm»**

This article examines the categories of «normal» and «antinorm» in Chinese tradition, and as a consequence of the definition of these concepts influences the perception of persons with disabilities in society. The fact that attitudes towards people that are different from others in the traditional culture is closely linked with the concept of the need to maintain stability of the society, which is to play the customary practices and texts. Explore the creation of an inclusive education system in China — is on the one hand, the experience of adaptation of the traditional culture, while maintaining both traditional and innovative components. On the other hand — a very interesting history of large-scale organization of millions of people to provide opportunities for education, occupation, people with disabilities. Unique phenomenon, which has no analogues in the world.

References

- 1 Foucault of M. *Istoriya of madness during a classical era*, Moscow: Smysl, 1998, 310 p.; *Its Birth of clinic: Archeology of a medical look*, Moscow: AST, 2010, 710 p.
- 2 Kuratchenko M.A. *Bulletin of the Altai academy of economy and right*, 2014, to vyp. 1 (33), p. 108–112.
- 3 Lugovoiy K.V. *The Ethnographic review*, 2003, 6, p. 57–69.
- 4 *Academy of Sciences of the USSR*, Oriental studies in-t; executive editor M.V.Kryukov, Moscow: Nauka, 1987, 470 p.
- 5 Ageyeva N.Yu. *Society and the state in China: XXXLII scientific conference: To the 100 anniversary since birth L. I. Dumang / Ying t of oriental studies*; compiler and executive editor S.I.Blyumkhen, Moscow: Wost. lit, 2007, p. 193–199.
- 6 *Ancient Chinese philosophy. Meeting of texts / Academy of Sciences of the USSR*, philosophy in-t; compiler Jan Hinshun, Moscow: Thought, 1973, vol. 2, p. 99–141.
- 7 *Tāngshèngqīn zhǔbiān: «Tèshū jiàoyù gàilùn — pǔtōng bānjí zhōng yǒu tèshū jiàoyù xūyào de xuéshēng», shànghǎi jiàoyù chūbǎn shè 1998 niánbǎn. dì 51 vè* (Universality of vocational education — students with special educational needs in usual groups / editions. Thane Shengqin, Shanghai, 1998, 51 p.)
- 8 *Ministry of Education of the People's Republic of China*, Beijing: 2001, 115 p.
- 9 *Global education: the international scientific and practical conference*, Shanghai: 2008, p. 59–65).
- 10 *Zhōnghuá rénmín gònghéguó xiànfǎ* (The Constitution of the PRC), [ER]. Access mode: http://www.gov.cn/gongbao/content/2004/content_62714.htm
- 11 *Guānyú shíshī tèshū jiàoyù de ruògān wèntí de yìjiàn* (1986 nián 9 yuè) (Opinion on some questions of realization of vocational education), [ER]. Access mode: <http://www.moe.gov.cn/HLFtiDemo/search.jsp?dd=3>
- 12 *Guānyú kāizhǎn cǎnjí értóng shàonián suí bān jiùdú gōngzuò de shíxíng bànfǎ 1994 nián* (About ways of implementation of development of small children with limited opportunities (1994), [ER]. Access mode: http://www.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_163/200408/1515.html

UDC 811.161.1'27.;81.111'27

I.N.Martynova

*I.Ya.Yakovlev The Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia
(E-mail: irinamartynova08@mail.ru)*

The communicative hindrances arising in the course of communication between representatives of Russian speaking and English speaking linguistic cultures, and training in ways of their overcoming

The article in question represents the results of a practical research of various categories of communicative obstacles and barriers which occur in the process of intercultural communication between representatives of the English speaking and Russian speaking linguistic cultures. The results are contrasted and compared, explained and analyzed with the description of their cultural specifics and also their possible reasons. In conclusion various ways and methods of overcoming communicative barriers in the process of intercultural communication are explained that can be used in teaching foreign languages to secondary school and university students.

Key words: Intercultural communication, intercultural understanding, communicators, communicative barriers, communicative situation, English speaking and Russian speaking cultures, non-verbal communication, tolerance, cultural background, stereotypes.

In the present day world the issues of intercultural communication have become of a special importance due to the broadened contacts among people from different countries.

Communication as an exchange of information is possible only when its participants use the same methods of information encoding. But knowledge of lexical units is not always enough as a result of various reasons, among them social, political and age peculiarities.

If such peculiarities are not observed social and psychological communicative barriers might occur. Social barriers appear when there is no unanimous understanding of a communicative situation due to differences between partners. Psychological communicative barriers result from individual psychological features of communicators or psychological relations between them.